

ПИСЬМА ВЛАСТИТЕЛЕЙ СЕРБИИ КЪ М. Г. ЧЕРНЯЕВУ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Общность интересовъ міра всеславянскаго въ настоящей борьбѣ съ мусульманствомъ, еще не поверженнымъ предъ нимъ во прахъ и въ грядущемъ боевомъ состязаніи съ наступающимъ германизмомъ— вотъ вкратцѣ исповѣданіе политической вѣры Михаила Григорьевича.

Въ единеніи всеславянства—его мощь и сила, его процвѣтаніе и будущность.

Это убѣжденіе было выношено въ умѣ и сердцѣ Михаила Григорьевича еще задолго до сербско-турецкой войны и плодомъ зрѣлыхъ и многолѣтнихъ размышленій—явилось его самоотверженное въ ней участіе.

Это было не слѣдствіе тягостнаго положенія его на военномъ поприщѣ въ Россіи, по случаю явной къ нему вражды Милютина, не авантюра, не безразсудная вспышка внезапнаго энтузіазма, какъ то желалъ изобразить Голось, органъ тогдашнихъ либераловъ своими неотступными и яростными нападками побудившій Михаила Григорьевича вызвать его редактора Краевскаго на дуэль, отъ которой послѣдній уклонился. Нѣтъ, командованіе Михаиломъ Григорьевичемъ сербской арміей было плодомъ давно выношенной имъ идеи.

Доказательствомъ этому могутъ служить слѣдующія біографическія данныя.

Въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба, въ должности оберъ-квартирмейстера войскъ Терской области, Михаилъ Григорьевичъ принималъ участіе въ покореніи Кавказа.

Съ Ноября 1860 г. по Декабрь 1861 г. онъ, то самостоятельно, то подъ непосредственнымъ начальствомъ генераль-маіора Кундухова и князя Туманова усмирялъ горцевъ, дѣлалъ опасныя рекогносцировки, пролагалъ просѣки въ чернолѣсныхъ дебряхъ подъ перекрестнымъ огнемъ абрековъ.

Среди этой-то боевой жизни, воспѣтой нашими поэтами, онъ получилъ первый номеръ Аксаковского Дня, вышедшаго 15-го Октября 1861 г.

Въ прекрасной передовой статьѣ, подчеркивая общность славянскихъ интересовъ, Иванъ Сергѣевичъ указывалъ на то, что народныя начала крѣпки не однимъ воплощающимъ ихъ въ себѣ бытомъ, *но еще болѣе яснымъ сознаниемъ*. Для правильной выработки и распространенія этого, увы въ то время крайне шаткаго и даже шедшаго по совершенно ложному („либеральному“) пути общественнаго сознанія, для поддержки зарубезныхъ славянъ со стороны Россіи живымъ и дружественнымъ словомъ онъ открывалъ въ своей газетѣ особый отдѣлъ славянскихъ извѣстій.

Эта полная живаго интереса передовая статья вызвала Михаила Григорьевича на первое скромное выступленіе въ пользу славянъ среди офицеровъ Навагинскаго полка, стоявшаго тогда во Владикавказѣ, къ которымъ онъ обратился съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Два года тому назадъ учредился въ Москвѣ Славянскій Благотворительный Комитетъ, который, между прочимъ, содержитъ на свой счетъ болѣе двѣнадцати молодыхъ болгаръ, пріѣхавшихъ въ Россію учиться и по возможности снабжаетъ книгами народныя училища въ Болгаріи. Не имѣя никакого основнаго капитала, комитетъ съ трудомъ поддерживаетъ свое существованіе, или лучше сказать свою благотворительную дѣятельность, помощью разныхъ временныхъ, случайныхъ пожертвованій. Но именно потому, что сочувствіе къ Славянамъ распространено въ *очень тѣсномъ кругу*, необходимость жертвованія ложится всею своею тяжестью на весьма незначительное число лицъ, искренно преданныхъ Славянскому дѣлу.

„Между тѣмъ было бы чрезвычайно полезно и важно, если бы Комитетъ могъ расширить размѣры своей дѣятельности. Жажда просвѣщенія возбуждена въ Болгарахъ съ неимовѣрною силой. Иезуиты искусно этимъ пользуются и доставляютъ имъ всѣ способы ѣхать въ Парижъ или другіе города, въ полной увѣренности, что, воспитавшись во Франціи или Германіи, Болгары разъединятся духовно съ Россіей, а, слѣдовательно, и со своей народностью.

„Недавно въ Парижѣ съ цѣлью противодѣйствовать русскому влиянію въ Болгаріи и для распространенія въ ней католицизма учредилось общество, успѣвшее въ короткое время собрать громадныя средства, такъ что соперничать съ нимъ Славянскому Благотворительному Обществу не представляется возможности, если въ этомъ дѣлѣ не помогутъ ему всѣ сочувствующіе интересамъ Русской и Славянской народности.

„Предложеніе участвовать въ пожертвованіяхъ для образованія Славянъ, въ то время, когда у насъ дома такъ мало сдѣлано для этой цѣли, можетъ показаться съ перваго взгляда неумѣстнымъ и каждый, повидимому, въ правѣ сказать, что намъ, Русскимъ, гораздо ближе позаботиться объ распространеніи отечественнаго образованія, чѣмъ думать теперь о Славянахъ.

„Но легко убѣдиться, что каждый, сочувствующій пробужденію Русскаго народа, не можетъ въ то же время оставаться безучастнымъ зрителемъ пробужденія единоплеменныхъ намъ Славянъ.

„Кому средства позволяютъ сдѣлать пожертвованія въ пользу общественнаго образованія, того не разорить помощь, оказанная съ тою же цѣлью и въ пользу Славянъ. Вѣдь участвуемъ же мы иногда, по нѣскольку разъ въ годъ, въ подпискѣ на обѣды и подношенія при прощаніи каждому начальнику края, хотя бы онъ вовсе не заслуживалъ нашей признательности.

„Если мы находимъ средства для подобныхъ безцѣльныхъ манифестацій, то неужели для дѣла общаго, для дѣла народнаго не найдется у насъ лишней копѣйки?

„Пожертвованія, доставленные изъ Терской области, кромѣ матеріальнаго пособія будутъ имѣть особенную важность въ дѣлѣ славянъ

какъ отголосокъ отдаленнаго конца Россіи и лучше всѣхъ воззваній могутъ содѣйствовать къ возбужденію общаго сочувствія.

„Пожертвованія будутъ отправлены въ редакцію Дня, изъ котораго заимствованы вышеприведенныя свѣдѣнія о Славянахъ для гг. офицеровъ Навагинскаго полка“.

Какъ видятъ читатели изъ вышеприведеннаго воззванія, Михаилъ Григорьевичъ еще задолго до Сербско-Турецкой войны среди трудовъ и опасностей боевой жизни былъ прекрасно освѣдомленъ о славянскихъ дѣлахъ и проявлялъ къ нимъ большой интересъ и вниманіе.

Блестящая эпоха покоренія Кавказа княземъ Барятинскимъ, военачальникомъ, одареннымъ сверхъ того даромъ государственной мысли, какимъ его считалъ Михаилъ Григорьевичъ, закончилась для послѣдняго полученіемъ полковничьяго чина и единовременнаго годового оклада жалованья.

Затѣмъ, предвидя, что наша граница при помощи оружія станетъ раздвигаться въ глубь средней Азіи, онъ, согласно желанію своему, былъ назначенъ исполняющимъ должность начальника Штаба оренбургскаго корпуса.

Въ 1864 году, будучи посланъ въ распоряженіе командира отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, онъ около двухъ лѣтъ провелъ въ степяхъ Средней Азіи. во главѣ маленькаго двухтысячнаго отряда. запечатлѣвъ свое пребываніе тамъ Ташкентской эпопей, стяжавшей ему всемірную извѣстность и навлекшую на него безпощадное преслѣдованіе тогдашняго всесильнаго министра Милютина. Вслѣдъ за производствомъ въ генералъ-маіоры и полученіемъ Георгія на шею и золотой сабли съ брилліантами за взятіе Ташкента, онъ былъ отставленъ отъ должности военнаго губернатора Туркестанской области, которую онъ началъ было устривать съ такимъ рвеніемъ и знаніемъ края и его населенія.

Пріѣхавъ въ Петербургъ и отправившись въ одиннадцатимѣсячный отпускъ за границу, когда онъ вернулся обратно, узналъ, что Критяне, желавшіе присоединенія къ Греціи, возстали противъ Турціи, сербскій же князь Михаилъ, войдя въ сношеніе съ первой, хотѣлъ подготовить общее возстаніе славянъ противъ Оттоманской имперіи.

Пользуясь нашимъ въ то время сильнымъ вліяніемъ въ Константинополь и тревожнымъ положеніемъ Турціи, князь Михаилъ сталъ домогаться освобожденія сербскихъ крѣпостей Смердова, Шабаци и Бѣлграда отъ турецкихъ гарнизоновъ. Турція принуждена была уступить, потребовавъ только какъ признакъ вассальнаго ей подчиненія, чтобы флагъ Оттоманской имперіи развѣвался рядомъ съ Сербскимъ надъ цитаделью Бѣлграда.

На Балканскомъ полуостровѣ готова была вспыхнуть война, отведенная русскимъ правительствомъ. Къ этому то тревожному времени и относится письмо Михаила Григорьевича къ князю Михаилу отъ 7-го Марта 1867 г., въ которомъ онъ предлагалъ князю свои услуги въ случаѣ войны.

Передать письмо по назначенію взялся бывший въ то время въ Петербургѣ сербскій артиллерійскій поручикъ Груичъ, впоследствии занимавшій мѣсто сербскаго посланника въ Россіи.

Князь Михаилъ по пріѣздѣ Груича въ Бѣлградъ сказалъ ему, что будетъ отвѣчать Михаилу Григорьевичу изъ Константинополя, куда собирается ѣхать. Дѣйствительно, оттуда онъ не замедлилъ прислать письмо Михаилу Григорьевичу черезъ наше посольство въ Константинополь въ Петербургъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ.

Князь, благодаря Михаила Григорьевича за предложеніе своихъ услугъ въ случаѣ войны княжества съ Турціей, просилъ его взять отпускъ и пріѣхать въ Сербію, не подавая въ отставку.

Письмо это было въ министерствѣ вскрыто и Стремоуховъ передалъ его содержаніе Милютину, который, обрадовавшись случаю, немедленно доложилъ о немъ Государю. Къ счастью Михаилъ Григорьевичъ изъ предосторожности черновое письмо свое къ князю Михаилу показывалъ графу Шувалову, и Государю оно было уже извѣстно, почему при докладѣ Милютина онъ только небрежно сказалъ ему: „Ну, сдѣлай ему замѣчаніе“.

Тогда Милютинъ, призвавъ Михаила Григорьевича, назвалъ его измѣнникомъ, послѣ чего между ними произошла такая бурная сцена, что они больше никогда не видѣлись.

Послѣ этого Михаилъ Григорьевичъ подалъ въ отставку, получивъ половинный окладъ пенсіона, а именно 430 рублей въ годъ.

Хотя, какъ писалъ впоследствии Михаилъ Григорьевичъ, онъ никогда не смотрѣлъ на свою службу отечеству, какъ на средство существованія, всегда жертвуя личными и семейными интересами велѣніямъ долга, однако жить чѣмъ нибудь надо было. Двери же военного министерства, какъ онъ вполне основательно предвидѣлъ, были для него отселѣ закрыты.

Тогда онъ сталъ усердно готовиться къ экзамену на нотаріуса, который и сдалъ блестяще при Московскомъ окружномъ судѣ, немедленно утвердившемъ его въ этомъ званіи, въ предвидѣніи возможной помѣхи изъ Петербурга, откуда дѣйствительно была получена телеграмма, воспрещавшая состоявшееся утвержденіе.

Уже было нанято помѣщеніе подѣ контору Михаиломъ Григорьевичемъ, и многія торговыя фирмы Москвы пріостановили совершеніе своихъ сдѣлокъ, предполагая оформить ихъ въ нотаріальной конторѣ покорителя Ташкента. Успѣхъ дѣла и матерьяльное благосостояніе казалось обезпеченнымъ.

Въ это время онъ получаетъ отъ графа Шувалова письмо, черезъ жандармскаго генерала Слезкина слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ, узнавъ изъ Московскихъ Вѣдомостей о томъ, что вы желаете сдѣлаться публичнымъ нотаріусомъ, приказалъ мнѣ предупредить васъ, что Его Величество признаетъ избранное Вами занятіе не соответствующимъ прежнему Вашему служебному положенію“.

Положеніе же Михаила Григорьевича становилось отчаяннымъ, такъ какъ онъ только что женился, пенсіи же ему было назначено всего 430 р. въ годъ.

Тогда со свойственной ему горячностью, онъ немедленно собрался въ Петербургъ, не внявъ совѣту М. Н. Каткова обождать и вести переговоры изъ Москвы.

Въ Петербургѣ онъ отправился, разразившись филиппикой, къ графу Шувалову, обѣщавшему доложить обо всемъ Государю, а затѣмъ къ князю Горчакову, который сказалъ что онъ сегодня же сдѣлаетъ запросъ въ Государственномъ совѣтѣ, что все это значить.

Графъ Шуваловъ, будучи тогда въ контрахъ съ Милютинымъ хотѣлъ устроить Михаила Григорьевича при графѣ Валувѣ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но Государь съ этимъ не согласился и Михаилу Григорьевичу было предложено поступить на военную службу.

Тогда онъ снова облекся въ мундиръ, получивъ прежнее содержаніе и состоялъ сначала въ распоряженіи командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа, графа Берга, а затѣмъ графа Коцебу.

Въ этомъ положеніи, не соотвѣтствовавшемъ ни его боевому прошлому, ни его дѣятельной натурѣ онъ дотянулъ до 1875 г. когда опять вышелъ въ отставку и сталъ издавать *Русскій Миръ*. Газета эта въ предѣлахъ Оттоманской Имперіи за сочувствіе славянамъ была строго воспрещена, а у насъ, въ Россіи подверглась непрестаннымъ репрессіямъ со стороны графа Тимашева.

Русскій Миръ своимъ направленіемъ и интересными корреспонденціями изъ Босніи и Герцеговины, гдѣ кипѣло возстаніе противъ вѣковаго гнета Турокъ, сталъ пользоваться успѣхомъ, пріобрѣта большее по тому времени количество подписчиковъ.

Но Михаилу Григорьевичу показалось мало перомъ защищать славянское дѣло, онъ поѣхалъ въ Сербію и сталъ во главѣ ея военныхъ силъ, оставивъ Русскій Миръ на попеченіи Н. О. Берга, къ сожалѣнію, провалившаго газету.

Къ пребыванію Михаила Григорьевича на позиціяхъ во время сербско-турецкой войны относятся почти всѣ письма князя Милана, вырисовывающія ихъ отношенія.

Присутствіе Государя на войнѣ Михайлъ Григорьевичъ считалъ благотворнымъ только тогда, когда на подобіе Цезаря, Густава Вазы, Петра Великаго или Наполеона онъ самъ руководитъ сраженіемъ, самъ принимаетъ въ немъ непосредственное участіе въ качествѣ главнокомандующаго, иначе это становится только стѣснительнымъ.

И вотъ, князь Миланъ на основаніи совпаденія, или зная мнѣніе по этому важному вопросу Михаила Григорьевича, освѣдомляется—желательно ли ему присутствіе его въ станѣ сербскихъ воиновъ.

По прїѣздѣ своемъ въ Сербію въ 1876 г. Михаилъ Григорьевичъ засталъ князя и супругу его, славившуюся своей красотой, совершенно юными. Кн. Милана онъ считалъ очень умнымъ; хорошимъ политикомъ, *sans foi et loi*, супругу же его женщиной болѣе чѣмъ ограниченной.

Во время войны она стала во главѣ оппозиціонной, мирной партіи и однажды на большомъ обѣдѣ, гдѣ былъ и Михаилъ Григорьевичъ, стала говорить въ этомъ духѣ. Кн. Миланъ рѣзко оборвалъ ее, сказавъ, что, когда чуть ли не подъ стѣнами Бѣлграда льется кровь за свободу Сербіи, здѣсь не мѣсто говорить противъ войны. Княгиня ударилась въ слезы и вышла изъ за стола.

Въ 1878 г. по умиротвореніи Балканскаго полуострова, Михаилъ Григорьевичъ снова прїѣзжалъ въ Сербію съ цѣлью провести тамъ французскую желѣзно-дорожную концессию Бонту, желая оградить молодое королевство отъ экономическаго порабоженія его Австріей, но предпріятіе его, къ сожалѣнію, успѣха не имѣло.

Князя Милана и супругу его Михаилъ Григорьевичъ нашелъ очень возмужавшими. При дворѣ царило тогда безцеремонность, допускавшая кавалеровъ во время котильона ударять кнутами убѣгавшихъ дамъ, среди которыхъ особеннымъ весельемъ отличалась, молодая, но значительно огрубѣвшая королева.

Къ 1885 г. относится полное горечи обращеніе Михаила Григорьевича къ королю Милану, когда этотъ послѣдній объявилъ болгарамъ братоубійственную войну, послѣ присоединенія ими къ своему государству Восточной Румеліи.

За годъ до кончины Михаила Григорьевича, въ 1897 г. С. Д. Груичъ*) будучи сербскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, всегда съ глубокой благодарностью и вниманіемъ относившійся къ Михаилу Григорьевичу, по случаю исполнившагося 35-лѣтія его служенія въ рядахъ русской арміи, передалъ ему портретъ съ автографомъ несчастнаго короля Сербіи, Александра.

*) Въ 1857 г. онъ будучи поручикомъ передалъ князю Михаилу письмо Михаила Григорьевича, повлекшее на него громы Милютина.

Благодарственнымъ письмомъ Михаила Григорьевича королю Александру за этотъ знакъ вниманія, вызванный по иниціативѣ почтеннѣйшаго С. Д. Груича, заканчивается переписка главнокомандующаго сербской арміей съ властителями Сербіи.

Антонина Черняева.

Тубыщкы. Сентябрь 1913 г.

La lettre de M. Tcherniaeff au prince Mikhail de Serbie.

Altesse Sérénissime

Animé du désir de me vouer à la grande cause dont V. A. est le représentant et le défenseur et osant espérer que Vous ne refuserez l'offre de mes services, je viens les mettre à la disposition de V. A. prêt à passer en Serbie immédiatement sans considération de paix ou de guerre. L'enthousiasme étant l'unique modèle de ma démarche, V. A. peut être assurée qu'Elle trouvera en moi un serviteur zélé et fidèle n'ayant d'autre désir que celui de se rendre utile au pays en exécutant les vœux de V. A.

J'ai l'honneur d'être de V. A. S.

le très humble et très obeissant serviteur

M. Tcherniaeff.

7 Mars 1867.

Les lettres de prince Milan de Serbie à M. Tcherniaeff.

Belgrade ce 5 Juin 1876.

Mon cher Generale,

Très confidentielle.

Je profite du départ du colonel Protic pour remplir ma promesse à votre égard. Si je ne vous ai écrit plus tôt, c'est que je n'avais rien de bien positif à vous dire; tout ce que je vous aurai dit eut été très sujet à caution. La situation n'est tirée au clair que depuis ce matin. Comme vous le savez ou ne le savez pas (car je ne puis me souvenir si vous étiez encore ici à ce moment) le grand vizir m'a télégraphié direc-

Письмо М. Г. Черняева къ сербскому князю Михаилу.

Ваша Свѣтлость,

Воодушевленный желаніемъ посвятить себя великому дѣлу, котораго Вы являетесь представителемъ и защитникомъ, смѣю надѣяться, что Вы не откажетесь отъ предложенія моихъ услугъ и прошу Вашу Свѣтлость располагать мною и моею готовностью явиться въ Сербію немедленно, какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

Энтузіазмъ служить къ этому единственной причиной на основаніи которой Вы, Ваша Свѣтлость, можете убѣдиться, что найдете во мнѣ ревностнаго и вѣрнаго слугу, одушевленнаго единственно желаніемъ принести странѣ пользу, исполняя волю Вашей Свѣтлости.

Имѣю честь быть Вашей Свѣтлости
всепреданный слуга

М. Черняевъ.

7-го Марта 1867 г.

Письма князя Милана сербскаго къ М. Г. Черняеву.

Бѣлградъ. 5-го Іюня 76.

Дорогой генераль,

Очень секретно.

Пользуюсь отъѣздомъ полковника Протича чтобы исполнить относительно Васъ свое обѣщаніе. Я не писалъ Вамъ раньше, не имѣя ничего положительнаго, сообщить Вамъ. Все, что я могъ бы Вамъ сообщить, очень сомнительно. Положеніе разъяснилось только сегодня утромъ. Вы, можетъ быть, уже знаете или еще не знаете (не могу вспомнить, были ли Вы еще здѣсь въ это время), что великій

tement pour me demander des explications sur le but et le motif de nos armements. Je lui ai répondu d'une façon assez évasive, en ajoutant toute fois que j'avais décidé d'envoyer à Constantinople un envoyé dans le but de mettre nos rapports sur un pied amical (!). Tout ceci naturellement pour gagner du temps. Je me proposais de demander par une lettre qu'aurait remise cet envoyé, l'autorisation d'entrer en Bosnie, de créer un état de choses stable et de garder la Bosnie pour nous aux mêmes conditions que la Serbie, c'est à dire en respectant l'intégrité de l'empire et en payant un tribut.

Pendant que le fil électrique portait cette dépêche à Constantinople, un autre envoyé partait pour Venise, où il devait s'aboucher avec Banko Radivoi sénateur Monténégrin à l'effet d'échanger les ratifications de notre traité. J'ai le plaisir de vous annoncer, mon général que le traité a été signé. D'après un article du traité, aucune partie contractante ne peut agir séparément. Nous avons donc proposé au Monténégro de faire la même chose que nous, c'est à dire d'expédier aussi un envoyé à Constantinople pour demander l'autorisation d'entrer en Herségowine. Ce n'est pas que nous eussions espéré un seul instant que la Porte prêterait une oreille favorable à nos propositions, mais nous considérons comme plus digne de ne pas tomber en Turquie comme des bandits sans avoir amené à l'avance une rupture sur le terrain diplomatique, et puis nous croyions qu'il n'était pas de notre intérêt d'effrayer l'Europe en prenant à parti l'intégrité de l' Empire. Mais le Monténégro se refuse d'adhérer à cette entrée en matière et aujourd'hui nous avons déjà depeché à Zettinié pour annoncer que nous avons abandonné le projet d'envoyer quelqu'un en mission auprès de la sublime Porte. Il s'agit maintenant de trouver un prétexte pour excuser devant les yeux de l' Europe le changement qui s'est opéré dans nos intentions. En même temps nous nous occupons de trouver la manière d'entrer en matière; c'est à dire devons nous purement et simplement déclarer la guerre à la Turquie, se basant sur la présence des troupes turques le long de nos frontières et sur nos devoirs et obligations vis à vis de nos frères opprimés, faut-il peut-être formuler par télégraphe et demander à la Porte la cession de la Bosnie, qu'elle refusera naturellement, et entrer vingt quatre heures après avec nos troupes sur le territoire ottoman. Comme Prince je crois que cette dernière hypothèse est plus sage; comme homme je préfère la première. Mais en un mot tout ceci est une question de détail; l'important c'est que la guerre est décidée et bien décidée. (Je veux dire par là que les moins belliqueux du ministère y sont aussi décidés car, quant à moi, vous savez, je l'espère, il y a longtemps que je

визирь мнѣ лично телеграфировалъ, спрашивая объясненій о цѣли и причинѣ нашихъ вооруженій. Я отвѣтилъ ему довольно уклончиво, прибавивъ однако, что намѣреваюсь послать въ Константинополь посланнаго для установленія между нами дружескихъ отношеній (!) Все это я сдѣлалъ, конечно, для того, чтобы выиграть время. Я предполагалъ просить въ письмѣ своемъ, которое передалъ бы этотъ посланный, разрѣшенія вступить въ Боснію, положить основаніе прочному положенію дѣлъ и оставить за собою Боснію на тѣхъ же условіяхъ какъ и Сербію, то есть, соблюдая цѣлость имперіи, и платя дань. Пока телеграфъ передавалъ вышеозначенную депешу въ Константинополь, мною былъ отправленъ гонецъ въ Венецію, который долженъ былъ вести переговоры съ Банко Радивоемъ, черногорскимъ сенаторомъ съ тѣмъ, чтобы обмѣняться ратификаціей нашего договора. Съ удовольствіемъ могу Вамъ сообщить, что договоръ былъ подписанъ. По одной изъ статей договора ни одна изъ договаривающихся сторонъ не можетъ дѣйствовать отдѣльно.

Поэтому мы предложили Черногоріи сдѣлать то же, что и мы, то есть отправить гонца въ Константинополь и просить разрѣшенія вступить въ Герцеговину. Мы ни единой минуты не предполагали, что Порты выслушаетъ благосклонно наши предположенія, но мы считаемъ достойнѣе не нападать на Турцію какъ разбойники, а предварительно подготовить почву дипломатическаго разрыва. Кромѣ того мы считаемъ несогласнымъ съ нашими интересами пугать Европу, нарушая неприкосновенность Имперіи. Но Черногорія отказалась присоединиться къ намъ, выдвинувъ этотъ поводъ къ войнѣ, и потому сегодня мы послали депешу въ Цетинье, сообщающую, что мы отказались отъ намѣренія послать кого либо для переговоровъ съ блистательной Портой. Теперь необходимъ предлогъ, извиняющій въ глазахъ Европы перемѣну, происшедшую въ нашихъ съ ней отношеніяхъ. Одновременно мы изыскиваемъ предлогъ къ наступленію, колеблясь въ выборѣ одного изъ двухъ способовъ: то есть, должны ли мы просто на просто объявить войну Турціи, основываясь на присутствіи ея войскъ вдоль нашей границы, и на нашемъ долгѣ, и обязанности къ нашимъ угнетеннымъ братьямъ или, можетъ быть, намъ слѣдуетъ заявить наши требованія по телеграфу, прося Порту уступить Боснію, что, конечно, она откажетъ и тогда черезъ 24 часа вступить съ нашими войсками въ предѣлы Оттоманской имперіи. Въ качествѣ князя, считаю послѣдній способъ разумнѣе, какъ человѣкъ, предпочитаю первый.

Однако, все это только подробности, главное заключается въ томъ, что война *рѣшена и рѣшена безповоротно*. Этимъ я хочу сказать, что

suis décidé, coûte, que coûte à la guerre, et que je n'aurais, comme je vous l'ai dit dans nos conversations, reculé que devant une intervention militaire, non sur papier mais en réalité.) C'est pourquoi j'ai donné ce soir même les ordres de concentration et mobilisation (sauf la brigade de II cl. l'escadron et la batterie du district de Belgrade, que je réserve pour le dernier moment, car je veux tenir le plus secret possible notre concentration).

J'espère, mon général, que vous ne m'en voudrez pas de ce que je vous ai prié de n'annoncer à personne de vos amis notre intention ferme et arrêtée, car je désire, si c'est possible, que tout soit fait secrètement, et qu'au dernier moment l'Europe soit réveillé par la nouvelle que le Prince Nicolas et le Prince Milan, se tendant la main, marchent pour la libération de leurs frères opprimés, ce qui me fait espérer que notre entente empêchera l'Europe d'intervenir et que la Russie sera plus favorable à ce mouvement que s'il était entrepris par une seule des principautés slaves.

Ce qui va malheureusement mal c'est l'argent, dont nous manquons presque totalement. Mais à la guerre comme à la guerre. La loi sur les réquisitions, l'émission de papier monnaie, espérons le patriotisme réveillé au moment du danger et les sympathies du monde slave nous aideront. Je termine ma lettre, que vous lirez difficilement grâce à mon écriture déplorable, en comptant sur vous, mon cher général, pour prendre toutes les mesures énergiquement pour préparer le succès.

Depêchez au général Nowossielow (si je ne me trompe?) que je l'accepterai avec plaisir au service. Que dites vous de la mort de Hussein Avni? Je crois que nous ne pouvons que nous en féliciter Il est remplacé au ministère de la guerre par le sardar Wrem Abdul Kérim pacha.

Quant à moi, j'espère vous rejoindre dans une dizaine ou douze jours.

Recevez l'assurance de mes meilleurs sentiments.

M. M. O.

La Princesse vous fait ses compliments.

члены министерства, наименѣе воинственно настроенные, тоже рѣшились воевать, что же меня касается, то Вы, надѣюсь, знаете, что я давно стою за войну и отступлю отъ своего желанія, какъ я уже Вамъ говорилъ, только въ виду посторонняго военнаго вмѣшательства въ дѣйствительности, а не на бумагѣ только.

Поэтому сегодня я отдалъ приказъ стягивать и мобилизовать войска (за исключеніемъ бригады II-го разряда и эскадрона и батареи бѣлградскаго округа, предназначаемыхъ мною къ мобилизаціи въ послѣдній моментъ, потому что я хочу, чтобы наша мобилизація хранилась въ тайнѣ какъ можно дольше).

Надѣюсь, что Вы не претендуете на меня за то, что я просилъ Васъ не сообщать никому изъ Вашихъ друзей о нашемъ твердомъ и непоколебимомъ намѣреніи. Я желаю, по мѣрѣ возможности, чтобы все было совершенно тайно и чтобы Европа только въ послѣдній моментъ была пробуждена извѣстіемъ, что князь Николай и князь Миланъ, протянувъ другъ другу руки, идутъ освобождать своихъ угнетенныхъ братьевъ? Я надѣюсь, что наше соглашеніе воспрепятствуетъ вмѣшательству Европы, а Россія болѣе благосклонно отнесется къ этому движенію, нежели когда оно будетъ предпринято отдѣльно однимъ изъ славянскихъ княжествъ. Къ несчастію, денегъ у насъ совсѣмъ нѣтъ. Но, какъ говорится въ пословицѣ: *à la guerre comme à la guerre*. Военные налоги, выпускъ бумажныхъ денегъ, надежда на проснувшійся патріотизмъ во время опасности и наконецъ сочувствіе славянскаго міра, все это, вмѣстѣ взятое, надѣюсь, послужитъ намъ поддержкой. Это письмо, которое Вы прочтете съ трудомъ, изъ за моего дурного почерка, оканчиваю съ надеждой, что Вы энергично примете. дорогой генераль, всѣ мѣры, обезпечивающія успѣхъ.

Пошлите депешу генералу Новоселову (если не ошибаюсь) что я принимаю его съ удовольствіемъ на службу. Что Вы скажете о смерти Гуссейнъ Авни? Думаю, что мы можемъ этому только радоваться. Онъ замѣщенъ въ военномъ министерствѣ сардаремъ Абдуль-Керимъ пашей.

Думаю пріѣхать къ Вамъ дней черезъ десять или двѣнадцать.

Примите выраженіе моихъ лучшихъ чувствъ.

М. М. Обреновичъ.

Княгиня шлетъ Вамъ свой привѣтъ.

Mon cher général,

Après la brillante victoire que vous avez remportée après 6 jours de privations, de fatigue, de combat, le 12 de ce mois devant Alexinatz, je remplis un devoir en vous offrant mes félicitations les plus cordiales, l'expression de ma plus profonde reconnaissance et en vous priant d'accepter comme un faible témoignage de ma gratitude, que ressent aussi aujourd'hui toute l'armée Serbe pour son illustre chef, les insignes ci joint de la croix de Takowo, qui se porte au cou.

Votre sincèrement reconnaissant et affectionné

M. M. Obrenovitsch.

Belgrade.

13 Aout 1876.

Belgrade, ce 18 Aout 1876.

Mon cher général,

Je ne sais vraiment comment commencer ma lettre. Dois-je d'abord vous adresser mes plus sincères félicitations sur les résultats que vous avez obtenu devant Alexinatz, avec des troupes telles que celles dont vous disposez, ou dois-je vous adresser de longs reproches sur votre silence bien plus long encore à mon égard.

Je viens de recevoir à l'instant votre télégramme m'annonçant que les Turcs se retirent de toutes leurs positions sur la rive droite de la Morawa. Le télégramme du général Komaroff à Ristic au sujet du correspondant du „Pester Lloyd“ dit aussi que c'est sur la rive gauche qu'ils se concentrent. Je considère ce mouvement des Turcs comme ayant pour but de brûler et de piller le plus de villages possibles dans l'arrondissement de Boulgar Morawa et dans le district de Krouchematz, car je ne crois pas qu'ils essayent de tourner Mesinatz en se dirigeant sur Gicunis. Leur mouvement de retraite de Kniajewatz et changement d'opérations de la vallée du Timok dans celle de la Morawa est pour moi une preuve, que n'ayant pas de train mobile ils ne peuvent guère s'aventurer dans l'intérieur de la Serbie, ce qui du reste serait le cas pour nous.

Дорогой Генераль,

Послѣ блестящей побѣды, одержанной Вами 12-го числа сего мѣсяца подъ Алексинцемъ, послѣ шестидневныхъ лишеній, трудовъ и брани, я исполняю свой долгъ, посылая Вамъ самыя сердечныя поздравленія вмѣстѣ съ выраженіемъ моей наиглубочайшей благодарности. Прошу Васъ принять прилагаемые знаки ордена Такова на шею, какъ скромное свидѣтельство моей признательности, которой нынѣ проникнуто все Сербское войско къ своему славному военачальнику.

Искренно признательный и благодарный

М. М. Обреновичъ.

Бѣлградъ.

13-го Авг. 1876 г.

Бѣлградъ 18 Августа 1876 г.

Дорогой генераль,

Право, не знаю съ чего начать свое письмо. Выразить ли мнѣ Вамъ свои искреннія поздравленія за результаты побѣды, одержанной Вами подъ Алексинцемъ, съ тѣми войсками, которыми Вы располагали или обратиться къ Вамъ съ длинными упреками за Ваше молчаніе особенно для меня тягостное.

Только что получилъ Ваше сообщеніе по телеграфу. что Турки на правомъ берегу Моравы отступаютъ со всѣхъ своихъ позицій. Генераль Комаровъ въ телеграммѣ Ристичу относительно корреспондента „Pester Lloyd“ тоже говоритъ, что они сосредоточиваютъ свои силы на лѣвомъ берегу. Я не думаю, чтобы Турки попытались обойти Месинацъ и двинуться на Жигунисъ, а потому мнѣ кажется, что они предприняли это движеніе съ цѣлью *сжечь и разарбить* наибольшее количество деревень въ округахъ Бургесъ-Морава и въ Кращевачкомъ уѣздѣ. Направленіе ихъ отступленія изъ Княжевица и перенесеніе военныхъ движеній изъ долины Тимока въ долину Моравы служить для меня доказательствомъ, что у нихъ нѣтъ подвижного состава и потому они не могутъ двинуться внутрь Сербіи, что для насъ вполне возможно. Считаю своимъ долгомъ, дорогой генераль, выразить Вамъ при этомъ

Du reste, mon cher général, je considère comme un devoir de vous exprimer toute mon admiration de ce que vous aviez prévu la chose et que vous aviez concentré vos troupes à Déligrade. Les opinions sur l'attaque probable des Turcs étaient très partagées et pas mal de monde considèrait comme probable l'attaque de Loukowo. Vos prévisions ont été accomplies et c'est Mesinatz que les Turcs ont choisi, comme vous l'aviez prévu.

Maintenant, mon cher général, permettez moi aussi de vous adresser des reproches, pour le télégramme que vous avez adressé à Ristic, lui disant qu'il était nécessaire de travailler à l'armistice. Pourquoi ne pas me l'avoir adressé à moi? Ne vous aurait-on pas, peut-être dit, que je m'occupais peu d'affaires étant préoccupé par l'état de ma femme? N'étiez vous pas peut-être froissé de ce que j'avais laissé vos deux lettres envoyées l'une par le pauvre capitaine Dmitrieff et l'autre par Laurentieff, sans reponse? Je vous prie de me dire la chose franchement sans détours, car je vous avouerai que j'ai été peiné de ceci. Connaisant vos sentiments pour la cause serbe et slave et pour moi, j'aurai préféré que vous vous adressiez à moi. Je ne dit pas pour cela que vous ne pouviez pas vous adresser aussi aux ministres, car à mon avis, ce sont les seuls aujourd'hui qui peuvent être utiles à la cause. Les autres hommes d'état ou soi disant tels en Serbie ont tout aussi peur des Tcherkesses que les bataillons Voscharewatz qui fuient devant dix de ces sauvages. Le ministère actuel qui a une certaine responsabilité d'avoir été au pouvoir lors de la declaration de la guerre a un certain intérêt à ne pas travailler à la paix quelle qu'elle soit. Si nous voulons donc continuer la lutte, ce qui à mon avis, est absolument nécessaire, si pas peut-être pour la Serbie, mais pour la sainte et noble cause slave, le ministère actuel est le seul qui aura assez de feu en soi pour combattre le courant pacifique qui tend à se former dans l'opinion publique. Je vous prie instamment, mon cher général, de me mettre au courant de la situation. Faut il à votre avis travailler ou non à la paix. L'armistice serait bon pour pouvoir se réorganiser, mais il sera, je crois, difficile à obtenir et pourrait bon gré, mal gré nous mener à la paix? De votre reponse dependra ma conduite, la démarche que j'ai fait auprès des puissances n'engage encore à rien, j'ai demandé simplement les bons offices des puissances pour la cessation des hostilités. Ceci est très vague comme vous voyez. J'ai déclaré en outre qu'une cessation partielle entre la Serbie et la Turquie ne servirait à rien si elle ne comprenait pas aussi le Monténégro, et ceci j'ai dit avec l'assentiment du prince Nicolas. Vous pouvez tout de suite voir qu'on peut trouver des batons à

свое восхищеніе потому, что Вы это предвидѣли и сосредоточили Ваши войска у Делиграда. Мнѣнія, относительно предполагаемыхъ атакъ Турокъ, были очень разнообразны и многіе считали возможной атаку со стороны Лукова. Турки же, согласно Вашимъ предположеніямъ, выбрали Месинацъ. Теперь, дорогой генераль, позвольте упрекнуть Васъ за телеграмму, посланную Ристичу, въ которой Вы говорите о необходимости добиться перемирія. Почему Вы не отправили мнѣ этой телеграммы? Не сказали ли Вамъ, что, будучи озабоченъ состояніемъ здоровья жены моей, я мало занимаюсь дѣлами? Быть можетъ, Вы обидѣлись на меня за то, что я не отвѣтилъ на Ваши два письма, доставленныя мнѣ бѣднымъ капитаномъ Дмитріевымъ и Лаврентьевымъ. Сознаю, что это меня огорчило, и прошу отвѣтить мнѣ совершенно откровенно. Зная Ваши чувства къ судьбамъ Сербіи и Славянства и ко мнѣ лично, я предпочелъ бы чтобы Вы обратились прямо ко мнѣ. Это не помѣшало бы Вамъ обратиться также къ министрамъ, тѣмъ болѣе, что по моему мнѣнію только они могутъ принести пользу этому дѣлу. Другіе государственные мужи Сербіи, или мнящіе себя таковыми, такъ же боятся Черкесовъ, какъ Вашаревацкіе батальоны, обращаемые въ бѣгство десяткомъ этихъ дикарей. Теперешнее министерство, на которомъ лежитъ часть отвѣтственности за настоящую войну, будучи у власти до ея объявленія, не имѣетъ основаній содѣйствовать миру, каковъ бы онъ ни былъ. По моему мнѣнію, продолженіе борьбы необходимо, если не собственно для Сербіи, то за святое и правое дѣло защиты Славянства и потому, если мы желаемъ ея продолженія, то только въ настоящемъ министерствѣ можно почерпнуть силу, необходимую для противодѣйствія мирному теченію, начинающему проявляться въ общественномъ мнѣніи. Настоятельно прошу Васъ, дорогой генераль, сообщить мнѣ все, касающееся настоящаго положенія. Слѣдуетъ ли по *Вашему* мнѣнію добиваться мира или нѣтъ? Отъ Вашего отвѣта будутъ зависѣть мои дальнѣйшія дѣйствія. Мое обращеніе къ державамъ еще рѣшительно ни къ чему не обязываетъ. Я просилъ только благосклонной помощи державъ относительно *прекращенія враждебныхъ дѣйствій*. Это, какъ видите, очень неопредѣленно. Кромѣ того, я объявилъ, что частичное прекращеніе военныхъ дѣйствій между Сербіей и Турціей ни къ чему не приведетъ, если сюда не будетъ включена Черногорія, сказавъ это съ согласія кн. Николая. Вы видите, что при желаніи можно немедленно найти предлогъ затормозить дѣло. Но мнѣ хотѣлось бы знать Ваше мнѣніе относительно всего этого. Поэтому, дорогой генераль, нисколько не претендуя на Васъ за Ваше молчаніе, я прошу Вашего совѣта. Надѣюсь, что и Вы, если думаете, что у Васъ есть основаніе имѣть относительно меня какое либо

mettre dans les roues, si on le désire. Mais je voudrais avoir votre opinion au sujet de toutes ces choses. Donc, mon cher général, loin de vous en vouloir pour votre silence, je viens vous demander un conseil; j'espère qu'à votre tour, si vous croyez que vous avez quelque raison de m'en vouloir, (ce que j'espère ne pas être) vous n'y penserez pas même et que vous me répondrez avec franchise. Si vous le jugez nécessaire, je crois qu'il serait bon d'ici à quelques jours, quand la situation sera éclaircie, d'envoyer un homme de confiance à vous à Petersbourg et Moscou auprès des comités slaves, qui nous aident tant pour atténuer le mauvais effet produit par la demande d'armistice. Je vois avec peine le nombre des officiers Russes diminuer après chaque bataille. Ce que je vois avec plus de peine encore c'est les intrigues qui se font contre eux. Exprimez leurs toute mon admiration et ma reconnaissance pour leur courage et leur dévouement et faites en sorte que ces petites misères ne les impressionnent pas trop.

Le capitaine Ghika me dit qu'il y a beaucoup de soldats qui se blessent eux mêmes. Prenez, mon cher général, toutes les mesures, même les plus sévères et surtout sévères, dirai je, contre eux. Je vous prie de m'envoyer la liste des officiers que vous avez décoré de la croix pour que je publie les décrets dans le journal officiel. Je désirerai beaucoup dans quelques jours retourner vous voir. Veuillez me tenir aussi votre opinion à ce sujet très franchement, s'il est bien et utile que je vienne et où dois je venir.

Soyez convaincu, mon cher général, de mes sentiments d'inaltérable amitié et reconnaissance.

Votre sincèrement reconnaissant.

M. M. Obrénovitsch.

Mon cher Général,

Le d-r Wladan Georgewic partant demain matin pour retourner à Deligrad, je vous écris quelques mots à la hâte pour vous accuser réception de la lettre confidentielle, que vous m'avez envoyée par lui. Je regrette, mon cher Général, de ne pas pouvoir vous accorder mon consentement pour l'acte important que vous projetiez.

Ce n'est pas que j'y sois en principe contraire, mais je ne considère pas le moment comme favorable. Maintenant, et vous partagez mon avis en ceci, ce qui nous est absolument nécessaire, tant pour réorganiser

неудовольствіе (чего, надѣюсь, нѣтъ въ дѣйствительности), оставите это совершенно и отвѣтите мнѣ съ полной откровенностью. Если Вы найдете нужнымъ, по моему мнѣнію, было бы хорошо черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ положеніе разъяснится, послать вѣрнаго Вамъ человѣка въ Петербургъ и Москву, въ Славянскіе комитеты, которые принесли намъ много пользы, смягчая дурное впечатлѣніе, вызванное просьбой перемирія. Съ горестью вижу, какъ послѣ каждой битвы уменьшается число русскихъ офицеровъ. Интриги, направленные противъ нихъ производятъ на меня еще болѣе тягостное впечатлѣніе. Выразите имъ мой восторгъ и мою благодарность за ихъ отвагу и самоотверженіе и постарайтесь ослабить впечатлѣніе направленныхъ противъ нихъ мелочныхъ интригъ.

Капитанъ Гика сказалъ мнѣ, что многіе солдаты сами себя ранятъ. Примите, дорогой генераль, самыя строгія мѣры противъ этого, особенно строгія лично противъ провинившихся. Пришлите мнѣ, прошу Васъ, списокъ офицеровъ, награжденныхъ Вами крестомъ, чтобы можно было напечатать приказы въ официальной газетѣ. Мнѣ очень хотѣлось бы черезъ нѣсколько дней возвратиться къ Вамъ. Пропу Васъ высказаться по этому вопросу, также совершенно откровенно, полезень ли будетъ мой прїездъ и куда именно мнѣ слѣдуетъ прїѣхать?

Примите увѣреніе дорогой генераль въ моей неизмѣнной дружбѣ и благодарности.

Искренно Вамъ благодарный.

М. М. Обреновичъ.

Дорогой генераль,

Пишу Вамъ слѣшно эти строки, въ отвѣтъ на довѣрительное конфиденціальное письмо Ваше, посланное Вами черезъ Владана Георгіевича, возвращающагося завтра въ Делиградъ. Сожалѣю, дорогой генераль, что не могу дать Вамъ своего согласія на совершеніе того важнаго шага, который Вы замыслили. Въ сущности, я ничего противъ него не имѣю, но считаю настоящій моментъ неблагоприятнымъ. Въ настоящее время, и Вы со мной согласились въ этомъ, намъ совершенно необходимо перемиріе для преобразованія арміи и пополне-

l'armée que pour se compléter en munitions, c'est un armistice. La proclamation d'indépendance de la Serbie serait un acte qui nous aliènerait assurément toutes les puissances et nous avons malheureusement besoin d'elles pour arriver au but désirable. Quant à la Russie, c'est encore une question de savoir si elle reconnaîtrait le nouvel état de choses en Serbie et si cela l'entraînerait à la guerre. Quelque fort que soit le courant de l'opinion publique en Russie, il ne faut pas oublier que c'est la volonté suprême de l'Empereur qui décide de questions aussi graves que celle là. Je ne doute pas que l'Empereur Alexandre, qui du reste l'a souvent prouvé, ne soit avisé des sentiments les plus amicaux pour la Serbie, mais si l'Europe toute entière se prononce contre une guerre Russe, je ne crois pas qu'il risque les chances de la guerre. Quant à moi personnellement, mon cher général, vous comprendrez que le projet en question pourrait me sourire, mais mon devoir vis à vis de mon pays m'impose de refuser absolument mon consentement à cet acte et de vous prier de ne pas donner suite à s'idée que vous aviez; d'autant plus qu'un acte aussi important dans la vie d'un peuple demande que le terrain soit préparé plus à cet effet et qu'il soit exécuté dans toutes les armées et dans la capitale à la fois. Du reste, mon cher général, comme je compte aller bientôt vous faire une visite à Déligrad dans le but de causer sur la situation générale je profiterai de cette occasion pour parler plus au long avec vous à ce sujet. En attendant recevez, mon cher général, l'assurance de mes meilleurs sentiments.

Votre sincèrement reconnaissant.

Belgrade

M. M. Obrénovitsch.

ce 3 Sept. 1876.

Mon cher général.

Je charge mon ministre de la guerre, le colonel Nicolic, de vous expliquer les raisons qui rendent inacceptable de ma part la proclamation qui a été faite par l'armée de la royauté Serbe et de rechercher avec vous les moyens pour arranger la chose de façon à ménager les sentiments de l'armée et ceux des grandes puissances qui seraient contraires à l'inauguration d'un nouvel état de choses en Serbie; sans en excepter le gouvernement Russe qui y est catégoriquement opposé.

Je compte, mon général sur votre dévouement pour arranger le tout à l'amiable avec le colonel Nicolic et je regrette que des raisons

нія боевыхъ припасовъ. Объявленіе независимости Сербіи, безъ сомнѣнія, лишитъ насъ сочувствія всѣхъ державъ, которое намъ необходимо для достиженія желанной цѣли. Что же касается Россіи, то нельзя знать предварительно, признаетъ ли она новое положеніе въ Сербіи и объявитъ ли она войну. Какъ бы ни было сильно въ Россіи общественное сочувствіе въ нашу пользу, слѣдуетъ помнить, что такіе важные вопросы разрѣшаются верховной властью Государя. Я не сомнѣваюсь въ искреннемъ расположеніи Императора Александра къ Сербіи, неоднократно имъ уже доказанномъ, но если вся Европа выскажется противъ объявленія Россіей войны, не думаю, чтобы Онъ рискнулъ испробовать удачи войны.

Поймите, дорогой генераль, что мнѣ лично настоящій проектъ кажется привлекательнымъ, но обязанности, налагаемыя на меня управленіемъ страной, рѣшительно препятствуютъ мнѣ дать на это свое согласіе, и потому я прошу Васъ не проводить Вашей идеи, тѣмъ болѣе, что необходимо подготовить предварительно почву для приведенія въ исполненіе акта такой важности въ жизни народа, обнародованіе котораго должно совершиться одновременно во всѣхъ арміяхъ и въ столицѣ. Въ скоромъ времени я намѣренъ навѣститъ Васъ, дорогой генераль, въ Делиградъ, и переговорить съ Вами о положеніи дѣлъ вообще, пользуясь случаемъ подробно обсудить съ Вами этотъ вопросъ, а пока примите, дорогой генераль, выраженіе моихъ дружескихъ чувствъ.

Искренно Вамъ благодарный.

М. М. Обреновичъ.

Бѣлградъ.

3-го Сент. 1876.

Дорогой генераль,

Поручаю моему военному министру Николичу объяснить Вамъ причины, которыя препятствуютъ мнѣ признать объявленіе независимости, провозглашенной королевской Сербской арміей. Я поручилъ ему одновременно придумать вмѣстѣ съ Вами способъ уладить дѣло, не затронувъ самолюбія арміи и великихъ державъ, не сочувствующихъ введенію новаго положенія въ Сербіи, не исключая и Русскаго правительства, которое положительно этому противится. Я полагаюсь на Вашу преданность, генераль, надѣясь, что Вы уладите все полюбовно съ полковникомъ Николичемъ и сожалѣю, что причины первостепен-

politiques de force majeure ne me mettent pas en mesure de profiter de la nouvelle preuve de dévouement que vous et votre armée m'avez donnée et sur laquelle je compterai à l'avenir.

Votre sincèrement reconnaissant.

Belgrade.

M. M. Obrénovitsch.

Ce 6 Sept. 1876.

Mon cher général,

Je recommande à votre bienveillance personnelle le porteur de la présente, mon oncle, Georges Catargi, ancien colonel dans l'armée Roumaine, qui est venu, s'incorporer dans nos rangs. Mon oncle est ancien élève de S-t Cyr et a servi en Roumanie dans l'état major. Il se mettra à votre pleine et entière disposition pour tout dont vous le juger apte. Je vous écris rien au sujet de la politique, car l'horizon est toujours aussi nuageux qu'avant. Avant quelques jours il n'y aura, je suppose, rien de neuf.

Agréez mes sentiments amicaux.

Votre sincèrement reconnaissant.

11 Sept. 1876.

M. M. Obrenovitsch.

Mon cher général,

Lors de la bataille de Mramor le major Svetozar Nadjic ayant reçu deux blessures à la tête de la brigade de Tsimpria reçut de moi la promesse d'obtenir la croix de Takowo. Je vous prie de lui remettre une de ces deux croix; quant à l'autre, si vous jugez qu'il le merite, je vous prie de la remettre au docteur Georjevic porteur de cette lettre de ma part.

M. M. Obrenovitsch.

Sans date.

ной важности препятствуютъ мнѣ воспользоваться тою преданностью, которую Вы и Ваша армія мнѣ выказали и на которую я впредь буду разсчитывать.

Искренно Вамъ благодарный.

М. М. Обреновичъ.

Бѣлградъ.

6-го Сент. 1876 г.

Дорогой генераль.

Я препоручаю Вамъ лично, подателя письма этого, дядю моего. Георгія Катаржи, бывшаго полковника Румынской арміи, поступающаго теперь въ наши ряды. Дядя мой воспитывался въ Сень-Сирѣ и служилъ въ Румынскомъ генеральномъ штабѣ. Онъ выражаетъ готовность исполнять безпрекословно все, что Вы пожелаете ему поручить. Я не пишу Вамъ ничего о политикѣ, такъ какъ горизонтъ и теперь по прежнему мраченъ. Въ теченіи нѣсколькихъ дней, думаю, не произойдетъ ничего новаго.

Примите выраженіе моихъ дружескихъ чувствъ.

Искренно Вамъ благодарный.

М. М. Обреновичъ.

11 Сент. 1876.

Дорогой генераль.

Когда маіоръ Свѣтозаръ Наджичъ былъ дважды раненъ, команду Тсимпрійской бригадой, въ сраженіи при Мраморѣ, я объщалъ наградить его орденомъ Такова. Прошу Васъ, вручить ему одинъ изъ прилагаемыхъ крестовъ, другой же крестъ прошу передать доктору Георгиевичу подателю письма отъ меня, если Вы сочтете его достойнымъ этой награды.

М. М. Обреновичъ.

Confidentielle et personnelle.

Mon cher général,

Vous m'avez personnellement, depuis le commencement de nos relations, témoigné tant de dévouement et d'intérêt, que je crois pouvoir m'adresser à vous actuellement à propos de certaines affaires personnelles, étant convaincu d'avance, que vous voudrez bien garder à leur sujet le secret le plus absolu.

Différentes circonstances s'enchainant l'une à l'autre me font, actuellement personnellement un grand besoin d'argent. Ne vous serait-il pas possible par vos relations en Russie de me trouver un emprunt personnellement pour moi de 2 ou 3 cent mille roubles, qui pourrait être effectué dans un bref délai totalement ou en partie; et payables d'ici à 4 ou 5 ans avec intérêt qu'on désirerait, sur ma propre signature. Je vous prierai de me répondre le plus tôt possible car je dois vous avouer que la chose est très pressante pour moi. J'avais voulu vendre certaines propriétés à moi en Roumanie, mais dans la situation politique actuelle dans ce pays et dans la crise financière qui y regne, il est impossible de trouver des acheteurs.

Je vous prierai donc de me répondre le plus tôt possible à ce sujet.

Croyez à mes sentiments d'amitié et d'estime.

Votre reconnaissant.

M. M. Obrenovitsch.

12 Sept. 1876.

Confidentielle.

Mon cher général,

J'accepte l'offre que vous me faites de mettre à ma disposition les quarante mille roubles, qui se trouvent chez Ephrussi. Je vous prierai de les faire adresser en papiers autrichiens à mon cousin Ephrem Germani à Belgrade. Il est inutile de faire ceci par télégraphe, mais faites écrire à Vienne. Quant aux conditions sous lesquels je disposerai de cet argent je vous écrirai dans quelques jours ou je vous en entretiendrai verbalement. Je vous serais très reconnaissant d'écrire en Russie pour l'autre affaire. En tout cas, je compte, mon cher général sur votre discrétion et vous prie de ne pas parler de ces affaires même à mon oncle M. Catargi, car je ne désire pas qu'il soit au courant. Dès que j'aurai reçu de Vienne l'argent, je vous écrirai.

Довѣрительно.

Дорогой генераль,

Съ самаго начала нашихъ отношеній Вы выказали мнѣ лично столько преданности и сочувствія, что я могу обратиться къ Вамъ въ настоящее время по своимъ личнымъ дѣламъ, при этомъ я увѣренъ, что Вы будете хранить это совершенно въ тайнѣ.

Силою различныхъ послѣдовательныхъ обстоятельствъ я поставленъ въ крайне затруднительное денежное положеніе. Не можете ли Вы въ скоромъ времени при помощи Вашихъ связей въ Россіи устроить для меня заемъ одновременно въ двѣсти или триста тысячъ рублей за просимые проценты, подъ обезпеченіе моей подписи при выплатѣ этого долга мною въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ. Прошу Васъ отвѣтить мнѣ какъ можно скорѣе, такъ какъ это дѣло очень спѣшно. Я хотѣлъ продать мои помѣстья въ Румыніи, но при настоящемъ тамъ политическомъ положеніи и финансовомъ кризисѣ, невозможно найти покупателя. Прошу Васъ поэтому отвѣтить мнѣ какъ можно скорѣе.

Вѣрьте моимъ чувствамъ любви и уваженія.

Благодарный Вамъ.

М. М. Обреновичъ.

12-го Сент. 1876 г.

Довѣрительно.

Дорогой генераль,

Принимаю Ваше предложеніе предоставить въ мое распоряженіе сорокъ тысячъ рублей, находящихся у Ефруси. Прошу Васъ, обмѣнявши эти деньги на австрійскія ассигнаціи, адресовать ихъ моему двоюродному брату Ефрему Жермани въ Бѣлградъ. Не телеграфируйте объ этомъ, а просто напишите въ Вѣну. Объ условіяхъ, на которыхъ я буду пользоваться этими деньгами, я напишу Вамъ черезъ нѣсколько дней или сообщу словесно.

Буду Вамъ очень благодаренъ, если Вы напишите въ Россію относительно другого дѣла. Во всякомъ случаѣ я полагаюсь, дорогой генераль, на Ваше молчаніе и прошу никому не говорить, даже дядѣ моему М. Катаржи, потому что не хочу чтобы онъ зналъ объ этомъ.

Vous m'écrivez longuement dans votre lettre au sujet de la royauté. Le prompt départ du capitaine Ghika m'empêche de vous reponqre longuement à ce sujet; j'attends aussi le retour de Monteverdo qui vous aura explique' les differents embarras dans lesquels je me trouve. J'espère qu'il vous aura bien fait comprendre que ce n'est pas moi qui jamais douterait des sentiments d'amitié de celui qui dirige si glorieusement nos troupes. Je ne suis pas animé de pussillanimité dans cette question. S'il s'agissait de moi seul je risquerais tout, mais ce qui me fait reculer c'est la crainte d'une responsabilité immense devant mon pays. Du reste ni vous ni moi ne devons désespérer. Nous sommes trop liés à une même cause pour ne pas espérer que par une entente franche et loyale ou moi j'accepterai vos idées, ou vous les miennes, ou nous trouverons un moyen pour concilier nos sentiments. Ma femme et moi vous remercions d'avoir pensé à nous pour le baptême de votre nouveau né. Je vous prie seulement de me faire savoir où se trouve en ce moment la générale et votre fils? quand doit avoir lieu le baptême. Je n'abuserai pas non plus de votre amabilité, j'espère, en vous priant de me désigner le nom qui vous conviendrait pour votre fils.

Croyez, mon cher general, à mes sentiments de sincère amitié et estime.

Votre reconnaissant.

M. M. Obrenovitsch.

Belgrade 15 Sept. 1876.

Je joins à ma lettre la copie de la note laquelle nous avons répondu aux consuls qui nous avaient communiqué la prolongation de l'armistice.

Belgrade ce 18 Sept. 1876.

Mon cher général.

Le Lt-colonel Monteverdo vient d'arriver. C'est par lui que je vous repondrai au sujet de la grande question. Je profite de cette occasion pour vous repondre à quelques autres affaires dont m'a parlé Monteverdo.

Quant à l'intendance, je sais qu'il y a du désordre, mais je crois être juste en attribuant ceci plutôt aux commissaires de brigade, au personnel de l'intendance dans l'armée, recruté parmi les fonctionnaires civils, gens ayant passé leur vie dans la bureaucratie, manquant totalement d'iniative et faisant leur devoir à contre coeur, qu'au major Giom-

Вы мнѣ пишете подробно въ письмѣ Вашемъ о королевствѣ. Быстрый отъѣздъ капитана Гики не даетъ мнѣ возможности отвѣтить Вамъ на это подробно. Ожидаю также отъѣзда Монтевердо, который объяснить Вамъ затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ я нахожусь. Надѣюсь, онъ объяснить Вамъ, что мнѣ невозможно сомнѣваться въ чувствахъ дружбы того, кто такъ доблестно и славно руководить нашими войсками. Не чувство малодушія побуждаетъ меня къ такому рѣшенію вопроса. Если бы дѣло касалось только меня лично, я рѣшился бы на все, но я отступаю въ виду страшной отвѣтственности передъ отечествомъ. Впрочемъ ни Вы, ни я не должны отчаиваться. Мы съ Вами слишкомъ связаны одними и тѣми же интересами и потому объяснившись откровенно можемъ надѣяться, что или я восприму Ваши мнѣнія, или Вы согласитесь со мною, или наконецъ мы придемъ къ взаимному соглашенію. Жена и я благодаримъ Васъ за то, что Вы вспомнили о насъ по случаю крестинъ Вашего новорожденнаго сына. Я прошу Васъ сообщить, гдѣ въ настоящее время находится генеральша и сынъ Вашъ, когда назначены крестины? Надѣюсь, что не злоупотреблю Вашей любезностью просьбой сообщить какимъ именемъ Вы намѣрены наречь Вашего сына?*)

Вѣрьте, дорогой генераль, моей искренней дружбѣ и уваженію.

Бѣлградъ 15-го сент. 1876.

Благодарный Вамъ

М. М. Обреновичъ.

Присоединяю къ письму моему ноту, которую мы послали въ отвѣтъ консуламъ, сообщившимъ намъ о продолженіи перемирія.

Бѣлградъ, 18 Сент. 1876 г.

Дорогой генераль,

Подполковникъ Монтевердо только что пріѣхалъ. Черезъ него я и отвѣчу Вамъ на важный вопросъ. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы отвѣтить Вамъ относительно нѣкоторыхъ другихъ дѣлъ, о которыхъ говорилъ мнѣ Монтевердо. Я знаю, что въ интендантствѣ безпорядокъ, однако мнѣ кажется, что по справедливости слѣдуетъ это приписать скорѣе бригаднымъ комиссарамъ, персоналу интендантства въ арміи, набраннаго изъ гражданскихъ чиновъ, проводшихъ жизнь въ канцеля-

*) Младшій сынъ Мих. Гр. Михайлъ скончавшійся 8 лѣтъ отъ роду, воспріемникомъ котораго былъ кн. Милавъ.

ric que j'ai pu juger personnellement à l'oeuvre et qui est plein de bonne volonté.

Je ferai tout mon possible pour y remedier.

Quant aux munitions d'artillerie ce n'est pas la bonne volonté qui manque. J'ai donné l'ordre à Kragouevatz que tout ce qui y serait fabriqué vous soit immédiatement expédié, mais avec toute la bonne volonté on ne peut arriver du'a faire journellement 350 projectiles. Dans une semaine ou deux j'espère qu'on pourra arriver à faire 3000 par jour, mais ce qui manque maintenant ce sont des machines et des ouvriers experts dans la fabrications et grâce aux embarras qu'on nous fait en Autriche et en Roumanie, il est très difficile de faire passer ces choses qui ont été commandées et même payées depuis assez longtemps.

En fait de nouvelles politiques, c'est l'arrivée à Vienne du général comte Soumarokow-Elston, envoyé par l'Empereur pour remettre une lettre à l'Empereur d'Autriche. Le but de sa mission est un mystère. On dit qu'il a été chargé de dire que l'Empereur Alexandre était le seul en Russie disposé à la paix et qu'il tiendrait ferme sa volonté. Mais ceci sont des cancons des journaux autrichiens, ce n'est rien de positif. L'Angleterre est furieuse de votre refus d'accepter l'armistice dérisoire de huit jours que la Porte nous offrait si généreusement! Elle menace de se retirer des négociations pour la paix, croyant nous très effrayer! Comme si nous ne savions pas que le petit changement de sa politique est plus tôt provoqué par la crainte d'une guerre avec la Russie et par les embarras que lui causent interieurement les meetings, que par une sympathie trop grande pour les Serbes.

Novossielow est revenu ici. On me dit qu'il ne veut pas aller à l'armée de l'Ibar. J'apprends que les Autrichiens ont donné l'ordre de masser plus de troupes sur notre frontière à cause de la proclamation.

Croyez à mes sentiments sincères d'amitié et d'estime.

Votre reconnaissant.

M. M. Obrenovitsch.

J'attends la reponse à la lettre ci incluse, personnelle par le porteur de la présente, mon officier d'ordonance le s. lieu. Paonnowic.

M. M. O.

рiяхъ, людей безъ всякой инициативы, исполняющихъ долгъ нехотя, нежели маіору Гiамичу преисполненному усердія, о которомъ могу судить по личному наблюденію. Для улучшенія этого вопроса употреблю всѣ усилія.

Это же касается артиллерійскихъ снарядовъ¹⁾, то происходитъ это не по недостатку усердія. Я приказалъ, чтобы все что производится въ Крагуевацѣ немедленно высылалось Вамъ, но при всемъ желаніи нельзя выработать болѣе 350 снарядовъ въ день. Надѣюсь, что по прошествіи одной или двухъ недѣль можно будетъ ихъ дѣлать до трехъ тысячъ, но въ настоящее время нехватаетъ машинъ и мастеровъ. Вслѣдствіе же, дѣлаемыхъ Австріей и Румыніей затрудненій, трудно доставить машины, давно заказанныя и даже заплоченныя.

Политическую новость составляетъ пріѣздъ въ Вѣну генерала, графа Сумарокова-Эльстона, посланнаго Государемъ для передачи письма Императору Австрійскому. Говорятъ, что ему было поручено передать, что только Императоръ Александръ стоитъ за миръ въ Россіи, котораго Онъ будетъ твердо придерживаться. Но все это сплетни Австрійскихъ газетъ и во всемъ этомъ нѣтъ ничего положительнаго. Англія обозлена за Вашъ отказъ принять восьмидневное смѣшное перемиріе, предложенное намъ столь великодушно Портой. Думая очень насъ напугать, она грозитъ не принимать болѣе участія въ переговорахъ о мирѣ! Какъ будто мы не знаемъ, что нѣкоторая перемѣна ея политики была вызвана скорѣе боязнью войны съ Россіей, и внутренними затрудненіями, вызванными митингами, нежели слишкомъ горячей симпатіей къ Сербамъ.

Сюда возвратился Новоселовъ. Говорятъ, что онъ не хочетъ отправиться въ Ибарскую армію. Меня извѣстили, что Австрійцы приказали стянуть войска къ нашей границѣ послѣ объявленія независимости.

Вѣрите моимъ искреннимъ чувствамъ дружбы и уваженія.

Благодарный Вамъ

М. М. Обреновичъ.

¹⁾ О крайнемъ недостаткѣ артиллеріи и другихъ дѣлахъ въ Сербіи Мих. Гр. довелъ до свѣдѣнія Наслѣдника Цесар. черезъ состоявшаго при Немъ генер. Зиновьева, от-

Mon cher general,

Je profite du départ du colonel Monteverdo pour vous écrire sur plusieurs questions. La question la plus brulante et dont je l'ai entre-tenu c'est le manque d'argent qui se fait sentir. On ne peut, je crois, y remédier, qu'en faisant connaître la véritable situation en Russie car nous pouvons être mis d'ici à peu dans un grand embarras. L'emprunt ne marche pas bien. Du reste ces messieurs qui se sont chargés de l'émettre out avancé un million de roubles, qu'ils retiendront sur le premier million obtenu par les souscriptions publiques. Il serait absolument nécessaire qu'ils ne retiennent pour le moment rien. Ce manque d'argent se fait sentir dans tout et amène du retard dans l'exécution des différentes demandes que vous nous faites parvenir de Deligrad; retard que vous attribuez à tort souvent à la mauvaise volonté.

A propos de la proclamation de la royauté voilà l'extrême concession que je puis vous faire. C'est d'ignorer la chose, de ne pas publier l'ordre du jour dans l'armée, de laisser les choses dans le statu quo à Deligrad, mais je vous demande à votre tour votre parole d'honneur de militaire de ne pas chercher à augmenter la chose. à faire de la propagande dans les autres armées et dans le pays, car à ceci je m'opposerai formellement. Ma conviction personnelle est toujours la même, c'est qu'il serait très inopportun pour le moment indécis où nous nous trouvons de nous mettre toute l'Europe sur les bras en acceptant la chose, et ce n'est que par égard pour vous que je consens à laisser la chose en suspens.

Du reste il me semble que ceci est une question de second ordre, qui est subordonnée à la situation politique générale et à la tournure des événements. Le noeud gordien de tout, c'est la mission de Soumarokow à Vienne et ceci est encore un mystère. Nous avons reçu la nouvelle de notre agent à Vienne que la Porte avait réjété les réformes proposées par les Puissances pour la Bulgarie, la Bosnie, l'Herzegovine, offrant des réformes tout aussi larges pour tout l'Empire, mais sans la garantie et sans immiation do l'Europe. Si cette nouvelle se confirme il est possible que la situation se complique; la Russie declarera-t-elle la guerre à la Porte, ou bien occupera-t-elle la Bulgarie, tandis que l'Autriche entrerait en Bosnie, telle est du moins, dit-on les proposition que Soumarokoff était chargé de soumettre à Vienne; en tout cas la situation est assez grosse de nuages, il est possible qu'elle s'eclaircisse par un coup de théâtre parti de Vienne a Pétersbourg, ce qui serait de beau-

Дорогой генераль,

Пишу Вамъ о различныхъ вопросахъ, пользуясь отъѣздомъ подполковника Монтевердо. Главный вопросъ, о которомъ я съ нимъ бесѣдовалъ, заключается въ недостатокъ денегъ, очень чувствительномъ. Мнѣ кажется, что этому можно помочь только сообщивъ въ Россію объ истинномъ положеніи дѣла, тѣмъ болѣе, что въ самомъ скоромъ времени наше положеніе будетъ весьма затруднительно. Заемъ успѣха не имѣеть. Лица, взявшія на себя задачу устроить его, выдали авансомъ миллионъ рублей, намѣреваясь удержать первый миллионъ изъ денегъ, полученныхъ отъ публичной подписки. Необходимо въ настоящее время, ничего не удерживать. Недостатокъ денегъ чувствуется во всемъ и задерживаетъ исполненіе Вашихъ требованій изъ Делиграда, предписываемыя Вами нерадѣнію часто напрасно.

Огнорително объявленія Сербіи королевствомъ, вотъ крайняя уступка, которую могу Вамъ сдѣлать: игнорировать этотъ фактъ, напечатать приказъ по арміи и въ Делиградъ оставить все въ настоящемъ положеніи. Но при этомъ я прошу Васъ дать честное слово война не стремиться къ распространенію этого дѣла и не прибѣгать къ пропагандѣ въ другихъ войскахъ и въ народѣ, предупреждая Васъ, что этому я формально воспрепятствую. Мое личное убѣжденіе осталось все тоже, а именно, что это было бы съ нашей стороны очень не своевременно. Съ теперешнимъ неопредѣленнымъ положеніемъ мы возбудимъ противъ себя всю Европу, признавъ объявленіе независимости. Только изъ уваженія къ Вамъ, я соглашаюсь оставить дѣло въ неопредѣленномъ положеніи. Кромѣ того, мнѣ кажется, что это составляетъ вопросъ второстепенной важности, зависящій отъ общаго политическаго положенія и дальнѣйшаго направленія событій. Гордіевъ узелъ заключается въ миссіи Сумарокова въ Вѣнѣ, составляющей тоже тайну. Изъ Вѣны отъ нашего агента мы получили извѣщеніе, что Порта отвергла реформы, предложенныя державами для Болгаріи, Босніи, Герцеговины, предлагая введеніе столь же широкихъ реформъ во всей Имперіи, но безъ гарантіи и вмѣшательства Европы. Если эти извѣстія подтвердятся, то весьма возможно, что положеніе усложнится. Объявитъ ли Россія войну Портѣ, займетъ ли она Болгарію, одно-

вѣтншаго слѣдующимъ письмомъ отъ 13-го Сентября: Порученное вами письмо на мое имя гр. Келлеру я получилъ и по желанію Вашему имѣлъ честь передать Его Высочеству. Какъ вы можете себѣ представить, содержаніе письма Вашего въ высшей степени интересовало Вел. Кнзя, но несмотря на всѣ Его желанія нѣкоторыхъ вещей, о которыхъ вы мнѣ пишете, Его Высочество не въ состояніи исполнить, именно о доставкѣ ружей и артиллеріи, т. е. по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, такъ какъ Государь Императоръ находится теперь въ Крыму. Перепискою это довольно затруднительно исполнить, а сами въ Крымъ мы побѣдемъ не ранѣе 3-хъ недѣль. На счетъ отправления кадровъ въ Болгарію и вооруженія страны Его Высочество вполне раздѣляетъ Ваше мнѣніе и ни въ какомъ случаѣ не думаетъ содѣйствовать этому предпріятію. Впрочемъ, я

coup préférable à la situation si peu claire dans laquelle se trouve aujourd'hui tout le monde.

Pour nous spécialement il nous serait difficile de prolonger la lutte l'hiver, si la Russie ne s'en mêle pas, où si les secours de la Russie non-officielle ne deviennent pas plus grands et cela surtout en argent. Ceci n'est pas une opinion ministérielle, c'est mon opinion personnelle qui est contraire à mes désirs, mais je ne prévois pas malheureusement l'avenir sans une perspective plus brillante si les choses ne se passent pas comme je dis; du reste, je crois, qu'ayant pu vous rendre compte des efforts énormes faits par le pays, de son épuisement, vous ne pouvez pas avoir une autre opinion que moi à ce sujet.

Mon oncle m'a écrit pour me dire qu'il vous avait parlé au sujet du général Komaroff. Je regrette, mon cher général, de vous dire très franchement, que je ne puis que répéter, que je suis très mécontent de lui. J'en ai même parlé au Lt. colonel Monteverdo que je crois vous être un homme dévoué et à la cause aussi et je suppose qu'il vous en retiendra à ce sujet. Je dois vous avouer très franchement que tous les officiers Russes qui passent par Belgrade sont unanimes à se plaindre de Komaroff et à le critiquer.

Je vous envoie par le Lt. colonel Monteverdo un certain nombre de croix de Takowo. Je charge le Lt. colonel Monteverdo de vous parler aussi au sujet du général Protic, dont je voudrais voir la position régularisée, et qui à mon avis pourrait vous être excessivement utile et réparer bien du désordre dû à Komaroff, s'il était employé comme je pense qu'il devrait l'être.

Vous voyez, mon cher général que je vous parle avec franchise, et ceci vous est la meilleur preuve de mon amitié.

Quand aux munitions d'artillerie j'espère que d'ici à quelques jours on pourra en fabriquer d'avantage. Novossieloff après quelques tentations a fini par accepter l'armée de l'Ibar.

Par rapport à mon voyage soit à Deligrad soit à Paratsin, je ne puis rien décider avant quelques jours, et je tiens énormément à vous voir pour vous parler de beaucoup de choses.

временно съ вступленіемъ Австріи въ предѣлы Босніи таковы, говорятъ предложенія, которыя поручено Сумарокову предложить въ Вѣнѣ. Во всякомъ случаѣ положеніе очень тревожно. Возможно, что оно разъяснится съ театральною внезапностью, направленной изъ Вѣны въ Петербургъ, что было бы гораздо желательнѣе, нежели настоящее всеобщее неопредѣленное положеніе.

Собственно, намъ будетъ очень трудно продолжать борьбу зимой, если только не вступится Россія или, если помощь Россіи неофициальной не будетъ значительнѣе, особенно въ денежномъ отношеніи. Это не мнѣніе министерства, мое личное, съ моими желаніями не согласующееся, но, къ сожалѣнію, я не предвижу въ будущемъ ничего хорошаго, если обстоятельства не примутъ упоминаемаго мною направленія.

Я изложилъ Вамъ насколько страна истощена сдѣланными ею громадными усиліями, и на основаніи этого, полагаю, что Вы не можете не согласиться со мною относительно настоящаго положенія дѣлъ.

Дядя написалъ мнѣ что говорилъ съ Вами о генералѣ Комаровѣ*). Откровенно говорю не могу къ своему сожалѣнію не повторить, что *я очень имъ недоволенъ*. Я говорилъ съ подполковникомъ Монтевердо, котораго считаю человѣкомъ Вамъ и дѣлу очень преданнымъ и предполагаю, что онъ съ Вами будетъ говорить о Комаровѣ.

Сознаюсь откровенно, что всѣ русскіе офицеры, пріѣзжающіе въ Бѣлградъ единодушно жалуются и критикуютъ Комарова.

Посылаю Вамъ черезъ подполковника Монтевердо нѣсколько Таковскихъ крестовъ. Я поручилъ также подполковнику Монтевердо переговорить съ Вами о генералѣ Протичѣ, желая, чтобы положеніе его было опредѣлено. Употребивъ его въ дѣло, согласно моему мнѣнію о немъ, онъ можетъ быть Вамъ очень полезенъ, устранивъ неустройства, причиненныя Комаровымъ.

Вы видите, дорогой генералъ, что я говорю съ Вами совершенно откровенно, что должно служить лучшимъ доказательствомъ моей дружбы къ Вамъ.

Что же касается, артиллерійскихъ снарядовъ я надѣюсь, что черезъ нѣсколько дней можно будетъ выдѣлывать ихъ въ большомъ количествѣ. Долгомъ считаю объяснить Вамъ, что и генер. Фадѣевъ, очень горячо было взявшійся за его исполненіе, теперь, большею частію, измѣнилъ оный планъ и предполагалъ бы послать эти кадры въ Болгарію только въ случаѣ объявленія Россіей войны Турціи и вхожденія ея въ ея предѣлы.

Что же касается вашего черезъ капит. Лаврентьева порученія, узнать черезъ меня у Его Высочества будетъ ли Вамъ по окончаніи настоящей войны, разрѣшенъ вѣздъ въ Россію, то Его Высоч. отвѣтилъ, что положительнаго отвѣта онъ въ настоящее время дать не можетъ, но нимало не сомнѣвается, что вамъ никакого препятствія дѣлать не будутъ, на что употребить все свое вліяніе и когда вы вернетесь, то съ удовольствіемъ приметъ васъ.

*) Къ другимъ заботамъ Мих. Гр. присоединилась необходимость отставить своего начальника штаба А. Ч.

Mon officier d'ordonnance vient d'arriver pendant que j'écris cette lettre, porteur de l'ordre a la banque Ephrussi. Je saisis cette occasion pour vous réitérer, mon cher général, l'expression de mes sentiments affectueux.

Votre reconnaissant.

M. M. Obrenovitsch.

Belgrade.

Ce 22 Sept. 1876.

Mon cher général,

Le colonel Doktouroff m'ayant manifesté son désir de continuer à servir sous vos ordres et de ne pas passer a l'armée de l'Ibar en qualité de chef d'état major du général Nowossieloff, j'ai cru devoir accéder a son désir, 'convaincu que vous seriez heureux de garder dans votre armée un officier, qui me semble être, des plus distingués, et appelé a rendre de grands services sur un terrain qu'il connaît déjà tandis qu'il lui faudrait du temps pour étudier les choses a l'Ibar.

On m'a dit hier soir que certains agents diplomatiques avaient reçu des dépêches de leurs gouvernements leur annonçant que l'Europe avait résolu d'imposer aux trois belligérants (Serbie, Monténégro, Turquie) un armistice et qu'en cas de refus d'un des parties, les puissances autoriseraient une ou plusieurs d'elles d'occuper militairement celle des parties belligérantes qui ne se prêterait pas au désir de l'Europe. Les agents qui ont reçu ces dépêches ne les ont pas jusqu'à présent communiqué, car d'après ce qu'on m'a dit ils attendent que les autres représentants reçoivent des ordres dans le même sens, pour faire auprès du gouvernement Serbe une démarche collective. On dit aussi que ceci a été décidé sur la proposition de la Russie. L'armistice serait en règle, c'est à dire avec ligne de demarcation etc, etc, c'est a dire tel que nous le désirions, mais malheureusement le temps et la durée de l'armistice ne serait pas défini. Il ne faut pas conclure de là, si cette nouvelle se confirme, que la Turquie pourrait se permettre d'enfreindre l'armistice au de le dénoncer quant bon lui semblerait, mais l'idée prédominante serait à mon avis que la diplomatie veut gagner du temps pour pouvoir régler la

ствѣ. Новоселовъ, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшился наконецъ принять командованіе Ибарской арміей.

Только по прошествіи нѣсколькихъ дней я могу рѣшить что либо окончательно, относительно своей поѣздки въ Делиградъ или Порачинь, видѣть же Васъ мнѣ очень хочется, чтобы переговорить о многомъ.

Мой ординарецъ, пока я пишу настоящее письмо, только что прѣхалъ и привезъ довѣренность на банкъ Ефруси. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы снова возразить Вамъ, дорогой генераль, мои дружескія чувства.

Благодарный Вамъ.

М. М. Обреновичъ.

Бѣлградъ.

22 Сент. 1876 г.

Дорогой генераль,

Полковникъ Дохтуровъ выразилъ мнѣ свое желаніе продолжать службу подъ Вашимъ начальствомъ, а не переходить въ Ибарскую армію въ качествѣ начальника штаба генерала Новоселова. Я уступилъ его желанію въ убѣжденіи, что Вы охотно оставите въ своей арміи прекраснаго, по моему мнѣнію, офицера, который можетъ оказать большія услуги на извѣстномъ уже ему театрѣ военныхъ дѣйствій, тогда какъ въ Ибарѣ ему придется посвятить нѣкоторое время на ознакомленіе съ положеніемъ дѣла.

Вчера вечеромъ мнѣ сказали, что нѣкоторые дипломатическіе агенты получили депеши отъ своихъ правительствъ, сообщающія, что Европа рѣшила предложить всѣмъ воюющимъ сторонамъ (Сербіи, Черногоріи и Турціи) перемиріе, въ случаѣ же отказа одной изъ сторонъ, державы разрѣшатъ одной или нѣсколькимъ державамъ оккупацию, не подчинившейся желанію Европы, воюющей страны. Агенты, получившіе эти депеши не сдѣлали о нихъ сообщенія, ожидая, какъ говорятъ, полученія представителями другихъ державъ одинаковыхъ распоряженій, чтобы сдѣлать Сербскому правительству коллективное представленіе. Говорятъ, что это было рѣшено по представленію Россіи. Говорятъ, что условія перемирія будутъ точно опредѣлены, то есть будетъ назначена разграничительная линія, и такъ далѣе. Это будетъ вполне согласно нашему желанію, но, къ несчастію, время и продолжительность перемирія не будетъ назначена. Если это извѣстіе подтвердится, не слѣдуетъ изъ этого еще выводить заключеніе, что Турція осмѣлится нарушить перемиріе или произвольно отказаться отъ него.

question bulgare, bosniagne et herzegovinienne. Je m'attendais à mieux après le rejet des reformes par la Porte.

Si la démarche est faite collectivement et surtout si la Russie est aussi de la partie, il est impossible que nous refusions cet armistice, d'abord pour ne pas nous mettre toute l'Europe sur les bras, et puis parce que nous avons nous même demande un armistice en regle.

Quant au Monténégro je suis convaincu qu'il l'acceptera, car la haute direction politique là bas est donnée par le colonel Ihemmel, envoyé militaire autrichien. Il est possible, d'après ce qu'on dit, qu'un congrès européen soit convoqué pendant l'armistice pour régler la question d'Orient. Il semble donc que tout est pour le moment à la paix. sur la base du status-quo pour la Serbie et le Monténégro et de l'amélioration du sort des chrétiens en Bosnie, Herzegowine et Bulgarie. Assurement le status-quo pour la Serbie est une injustice. C'est pour cela qu'il faudra essayer d'envoyer quelqu'un auprès de l'Empereur pour le mettre au courant de la véritable situation du pays; quelqu'un auprès du grand duc Héritier pour lui demander conseil et ce quelqu'un pendant l'armistice ne pourrait être à mon avis, que vous, mon cher général, qui par votre présence seule en Russie, pourriez être d'un poids immense sur les décisions du gouvernement. Lorsque vous m'avez fait d'abord part de votre intention d'aller pour deux ou trois semaines en Russie, je n'ai pas souri à cette idée, car j'ai craint, que l'armée, qui a grande confiance en vous, ne se débande. C'est pourquoi avant de se décider en cas d'armistice d'aller en Russie, il faudra que vous étudiez ce côté de la question et que vous voyez qu'elle est en cas de départ la personne qui pourrait vous remplacer provisoirement. A mon avis ce serait Horwatowic ou Doktouroff. Quant à Komaroff je ne puis que répéter que je lui suis très reconnaissant de l'enthousiasme qu'il a pour la cause, mais que la meilleure manière de rendre service à la cause de sa part, serait de ne pas s'en mêler, car de jour en jour je me convains qu'il n'est pas à sa place.

Cette nuit sont arrivés 47 ouvriers pour la fabrique de Kragouewatz, ce qui va permettre que le travail soit activé. Du reste à ce point de vue là, il est necessaire d'avoir un armistice, car vous manquez de munitions et un mois ou six semaines d'armistice nous permettrait de nous compléter.

Ce qui est affreux, c'est le manque d'argent. Si nous ne recevons pas de secours de la Russie nous serons complètement à court. J'ai entendu dire que la Croix rouge disposait de 1.400.000 roubles. N'y aurait-il pas moyen de lui soutirer la moitié de cette somme, car sans argent je ne sais comment nous faisons pour une campagne d'hiver. Avec

Однако, мнѣ кажется, что дипломатіей прежде всего руководитъ желаніе выиграть время, для урегулированія вопроса относительно Болгаріи, Босніи и Герцеговины. Я ожидалъ лучшаго послѣ отказа Порты отъ реформъ.

Намъ невозможно отказаться отъ перемирія, предположеннаго коллективно, особенно при участіи въ этомъ Россіи. Отказъ возстанетъ противъ насъ всю Европу тѣмъ болѣе, что мы сами просили правильнаго перемирія. Что же касается Черногоріи, то я убѣжденъ, что она согласится на перемиріе, потому что ея высшей политикой руководитъ полковникъ Йеммель, военный агентъ Австріи. Говорятъ о созывѣ Европейскаго конгресса для рѣшенія Восточнаго вопроса. Все въ настоящее время клонится къ миру съ оставленіемъ прежняго положенія Сербіи и Черногоріи и улучшеніи судьбы христіанъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи. Конечно сохраненіе status quo въ Сербіи несправедливо. Для устраненія этого слѣдуетъ послать кого либо къ Государю,¹⁾ чтобы изъяснить Ему настоящее положеніе дѣлъ въ Сербіи. Необходимо также послать кого либо къ Наслѣднику Цесаревичу, чтобы просить его совѣта. Во время перемирія только Вы, дорогой генераль, можете мнѣ кажется взять это на себя, такъ какъ одно ваше присутствіе въ Россіи способно произвести громадное давленіе на рѣшеніе правительства. Когда Вы мнѣ говорили о вашемъ желаніи побхать на двѣ или три на недѣли въ Россію, я не отнесся къ этому сочувственно изъ боязни разложенія арміи, имѣющей къ Вамъ такое довѣріе. Поэтому необходимо, прежде нежели Вы рѣшите бхать въ Россію въ случаѣ перемирія, чтобы Вы обратили вниманіе на этотъ вопросъ и указали бы на человека, который могъ бы, въ случаѣ Вашего отъѣзда, временно Васъ замѣстить. Мнѣ кажется, что замѣстить Васъ могли бы Хорватовичъ или Дохтуровъ. Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что Комаровъ не на своемъ мѣстѣ и могу только повторить, что очень благодаренъ ему за его энтузіазмъ къ Славянскому вопросу, которому онъ окажетъ лучшую услугу, если не будетъ вмѣшиваться въ дѣло.

Ночью прибыли 47 рабочихъ на фабрику въ Крагуевацъ; благодаря этому, можно будетъ ускорить производство. Перемиріе необходимо

1) Полковникъ Дохтуровъ былъ посланъ въ Россію, откуда телеграфировалъ кн. Милану слѣдующее: „Благосклонно принять своимъ Государемъ. Изложилъ ему виды Вашего Высочества о необходимости реформъ и поддержки которую вы требуете. Его Величество согласенъ въ необходимости реформъ. Онъ надѣется, что Сербія поддержитъ наши войска вспомогательнымъ корпусомъ въ случаѣ конфликта. Относительно же поддержки реформъ,—то это требуетъ размышленія; ожидаютъ Карцева. Необходимо сдѣлать все для организаціи и комплектованія постоянной дивизіи.“

le manque de munitions actuellement inutile de vous recommander de ne plus prendre l'offensive. Dès qu'il y aura quelque chose de plus positif je vous informerai. :

Mes meilleurs sentiments d'amitié.

Votre reconnaissant.

M. M. Obrenowitch.

26 Sept. 1876.

Au moment de fermer ma lettre mon cousin Germani me dit qu'il vient de voir le consul de France qui lui a dit que l'armistice serait de 4 semaines minimum ou 8 semaines maximum. Ceci ne serait pas mauvais et serait très acceptable.

въ виду недостатка снарядовъ, мѣсячное же или шестинедѣльное перемиріе дастъ намъ возможность его пополнить.

Недостатокъ денегъ ставитъ насъ въ ужасное положеніе. Если только мы не получимъ помощи изъ Россіи мы останемся совершенно безъ средствъ. Я слышала, что красный крестъ обладаетъ капиталомъ въ 1.400.000 рублей. Нельзя ли было бы намъ взять у него половину этой суммы, такъ какъ воевать зимою безъ денегъ будетъ невозможно. Считаю излишнимъ при недостаткѣ снарядовъ рекомендовать вамъ воздержаться отъ наступленія.

Если будутъ какія либо болѣе положительныя извѣстія, сообщу вамъ.

Примите мои лучшіе дружескія пожеланія.

Благодарный Вамъ

М. М. Обреновичъ.

26 Сент. 1876.

Только что хотѣлъ запечатать письмо, какъ мой кузень Жермани сообщилъ мнѣ, что видѣлъ французскаго консула, сказавшаго ему, что перемиріе будетъ длиться *minimum* 4 недѣли и *maximum* 8 недѣль. Это было бы недурно и весьма приеменно.

